

#ЛЕДИИЗНИОТКУДА

Глава 1

ЛЕДИ

А потом я полетела вниз.

Перед глазами замелькали не кадры прожитой жизни, а застекленные балконы нашей многоэтажки. Смотреть на них в последние секунды жизни было тошно.

И я закрыла глаза.

Подумалось, что нормальный человек в подобной ситуации кричал бы. Но я леди, а леди не паникуют. Они принимают объективную реальность со смирением и внутренним достоинством. И потому я сделала единственное, что могла: сложила руки на груди и мысленно попросила у бабушки прощения.

Так и падала.

И падала.

И падала... в какой-то момент мне показалось, что падение мое слишком уж затянулось. Конечно, семнадцатый этаж — это не пятый, но не настолько же. Или дело в субъективности восприятия?

...и жизнь все равно перед глазами не мелькает.

Нет, если постараться, то многое вспомнится.

Вот я в розовом воздушном платице, в белых гольфах и белых туфельках с пряжками-бабочка-

ми стою у подъезда. Вот Васька, местный наш хулиган, не иначе как очарованный подобною красотой, швыряет в меня дохлую ворону. Вот я с воем и слезами кидаюсь за ним, а Васька убегает и хохочет. Вот бабушка моя укоризненно качает головой: леди не пристало подобное поведение.

Леди переносят тяготы со смирением.

И да, с внутренним достоинством.

И нет, они не должны кидаться камнями, даже если обижены до глубины своей распрекрасной души. Леди подумают и найдут способ донести до обидчика всю бездну своего разочарования, а заодно сделать его немного лучше.

...вот Васька с благоговейным ужасом, не иначе, разглядывает свой новенький велосипед, оклеенный розовыми цветочками. Цветы я вырезала весь вечер, извела бабушкино платье из искусственного шелка. А уж о том, чего мне стоило подобраться к велосипеду...

Почему вдруг вспомнилось именно это?

Не похороны родителей.

Не наш с бабушкой переезд. Не мой выпускной в школе. Не университет... не знакомство с Владиславом, который с первой минуты очаровал меня... не бабушкина смерть, не свадьба наша, которую я порывалась отложить, но Влад проявил настойчивость.

Мертвое мертвым.

И теперь вот я сама мертва. Или в процессе, и все-таки, субъективно там или нет, но процесс этот несколько затянулся.

...а ведь день сегодняшний так хорошо начался. Солнечное утро, впервые за несколько недель, и солнечное же настроение. Даже привычное

ворчание Влада — в последние дни он был всем недоволен — не раздражало.

Утренний кофе.

Я живо ощутила его аромат и поморщилась, вот не хватало мне предсмертных галлюцинаций. Нет, кофе был определенно хорош. А Влад...

— Встретимся вечером, дорогая, — холодные губы скользнули по щеке.

Интересно, знал ли он, что не вернется?

Нет, пожалуй, вопрос следовало сформулировать иначе. Собирался ли он возвращаться, или где-то, в какой-нибудь маленькой гостинице, из тех, которыми он в обычной жизни брезговал, Влада ждал скромный чемоданчик со всем необходимым.

С парой-тройкой паспортов.

Белыми сорочками — он предпочитал батистовые, с небольшим содержанием шелка. Несессером, подаренным мною на первую годовщину. Бельем. Что еще положено брать с собой, убегая от прошлой жизни?

А все-таки... может, я уже упала? Лежу себе на асфальте — зрелище совершенно неэстетичное, будь моя воля, я бы выбрала иной способ самоубийства. Впрочем, ни о каком самоубийстве речи не идет, хотя не сомневаюсь, что дело будет представлено именно так.

...да, день был хорош.

Мелкие бытовые хлопоты.

Косметолог. И парикмахер. Мне хотелось сделать Владу сюрприз, но следует признать, у него получилось лучше...

В дверь позвонили в четверть восьмого.

Признаться, я уже начинала волноваться. Влад никогда не опаздывал к ужину. И не забывал о да-

тах. А сегодня было пять лет со дня нашей свадьбы. Юбилей, достойный накрахмаленной скатерти, фамильного серебра и английского фарфора, которым Влад особо гордился, хотя не сказать чтобы фарфор этот был вовсе эксклюзивен.

Впрочем, не важно.

Главное, я ждала его.

Новая стрижка.

Новое платье. Золотые серьги, подаренные им к первой годовщине. Браслет — подарок ко второй. Клатч...

Клатч был при мне. Удивительно, как это я умудрилась не выронить его? Не знаю, чудо, не иначе. Жаль, что столь бессмысленное.

В общем, дверь я открыла, ожидая увидеть Влада с обычным для него букетом роз. Вообще-то я предпочитала хризантемы, но Влад полагал их недостаточно элегантными для своей супруги. А я не возражала. Стоит ли рушить семейное счастье ради глупых мелочей? Важны ведь не цветы, важно внимание.

...и очередное украшение я бы приняла с радостью.

Искренней.

Почти искренней. Все-таки вкусы наши несколько отличались. Влад предпочитал вещи массивные и броские, изрядной стоимости.

— Добрый день, Оливия. — Макс, партнер Влада, явился без цветов.

И что куда хуже — без приглашения.

— Впрочем, уже вечер... Влад дома? — Макс отстранил меня и вошел. А за ним — еще двое. Им я представлена не была, как и они мне. И признаюсь,

данное обстоятельство нисколько меня не огорчало. Вид у господ был... не самый располагающий.

— Нет.

— Какая неожиданность... надо же. — Макс заглянул в гостиную.

В столовой остановился.

Присвистнул.

— Очаровательно... как это у тебя выходит-то? — Он наклонился к свече и задул ее. — Что ни ужин, то званый... Влада, значит, ждешь?

— Да.

— Подождем вместе. Ты не возражаешь?

И, не дожидаясь приглашения, уселся на Владово место.

— А...

— Присаживайся, дорогая. Не пропадать же ужину? К слову, всегда восхищался твоими талантами. — Он поднял крышку с серебряного подноса. — Мало, и вкусно, и красиво... моя так не умеет. Она вообще ничего не умеет. Дура полная. А ты присаживайся, Ливи... не голодна, нет?

— Что происходит?

Признаюсь, в тот момент я не испугалась. Все-таки Макс всегда отличался некоторой вольностью манер. Куда больше меня расстроил соус, пролитый им на скатерть. Соус этот отстирывался плохо, а сдавать тончайшее полотно в химчистку...

...какие же глупости меня волновали!

— Что происходит... интересный вопрос, Ливи... очень интересный. — Макс крутанул вилку.

А взял для рыбы.

Рыбу я пока не ставила в духовку, ее слишком легко передедержать, а холодная, она напрочь теряет вкус.

— Если вкратце, то супруг твой, скотина этакая, вздумал меня кинуть. — Макс сунул палец в соусницу и облизал. — Очаровательно... слушай, что ты туда добавляешь? Мой повар вроде тот же делает, а не так выходит...

— Шалфей.

— Шалфей? А это что за... впрочем, не важно. Я ему передам.

— Влад...

— Сволочь он. Но думалось, с мозгами... он ведь не только меня кинул. Ладно, я бы с ним по-свойски разобрался... квартиркой бы взял... или вот... ты мне всегда была симпатична.

Эта симпатия проскальзывала в пошлых шуточках. В случайных вроде бы прикосновениях, которые я терпела ради Влада. Во взглядах долгих, оценивающих.

— И ради этой симпатии я пришел сам. — Макс отложил вилку. — В отличие от моей Аленки, ты ж не дура... нет, была б душой, все бы поверили, что ты ничего не знаешь.

— Я действительно ничего не знаю.

Он кривовато усмехнулся и щеку поскреб.

...Влад регулярно посещал салон. И маникюр делал. И педикюр. И корректировал линию бровей. И это не казалось смешным, напротив, мне импонировало его стремление к совершенству, хотя до недавнего времени он и без того казался мне совершенным. Макс вот — дело иное. Кряжистый и какой-то неуютный. Дорогие костюмы лишь подчеркивали некоторую непропорциональность фигуры. Слишком короткая шея. Галстуки с виндзорским узлом на такой не смотрятся. Слишком

длинные руки... ему пошли бы рубашки с удлинёнными манжетами...

Маникюр?

Вряд ли он знал, что это такое. Руки были неухоженные. С кривоватыми пальцами и пожелтевшими ногтями. Макс имел отвратительную привычку эти самые ногти грызть.

...и сейчас, засунув мизинец в рот, с наслаждением его обсасывал.

— Никогда не думала, откуда взялось это богатство? — он кивнул на стол.

Я пожалала плечами.

Почему же не думала? Думала, но Влад — успешный бизнесмен. Занимается строительством. Максимум ли не знать, если он совладелец фирмы.

Он сплюнул, вытер рот ладонью.

— И ты эту сказочку скушала? И не подавилась? Выходит, прав Владик, даже самая умная баба — дура еще та... нет, Ливи, фирмочка-то наша имеется, да только трепыхается она, что карась на удочке, того и гляди подойдет, да... и подохла бы, если бы не добрые люди, которые решили помочь в обмен на небольшую услугу. И Владик твой, заметь, добровольно на это дело подписался.

Макс вытащил пачку сигарет.

Курил он прямо в столовой. И от запаха дешевого табака — а Влад предпочитал сигары и пороку предавался в курительной комнате — у меня заломило виски.

— Не кривись, Ливи... я понимаю, что тебе не шибко симпатичен. Ты у нас дамочка с гонором, на кривой козе не подъедешь. Влад любит вещички с переподвыпердом. — Макс выпустил струйку ды-

ма и провел серебряным ножом по тарелке. — Чтоб не как у всех... он же ж особенный, избранный... дерьмо собачье. И ты, Ливи, ныне в дерьме. Муженек твой деньги у людей взял. А вернуть не вернул. Большие деньги, Ливи... очень большие деньги.

Я сглотнула.

Я не была душой. Точнее, полагала, что не была, но... если Макс говорит, что... господи, да я могла бы и сама понять... раньше могла бы... но я предпочла не лезть во Владовы дела. Еще когда мы только поженились, я пыталась интересоваться, однако всякий раз Влад меня останавливал.

Мое дело — дом.

А уж он позаботится о прочем.

И меня это устраивало. А теперь получается... получается, что через фирму отмывали деньги. Чьи? Ясное дело, не от продажи маргариток полученные. И сумма была настолько большой, что Влад не устоял перед искушением. И когда деньги поступили на счет фирмы, он не перевел их подставной, но отправил... куда?

Куда-нибудь в офшорную зону.

— Я не знаю, где он может быть.

— Вижу, дошло. — Макс вздохнул. — И знаешь, Ливи, я почти готов поверить.

— Поверь.

Ушел.

Просто ушел.

Собрался. Поцеловал меня в щеку. Пожелал хорошего дня и ушел.

— Я бы поверил, только, дорогая, дело ведь не во мне... те ребята — это представители клиента. Законные, так сказать... и им нужно убедиться...

— Я отдам все...

— Отдашь. — Макс поднялся и вытер руки салфеткой. — Конечно, отдашь, дорогая. У тебя нет иного выхода. Но этого будет мало... дело не столько в деньгах. Этого убогого найдут рано или поздно. Дело в принципе. Ни у кого не должно и мыслишки поганой зародиться, что такой финт пройдет. А потому извини, Оливия.

...и вот я падаю.

...падаю.

...и никак не упаду.

И устав от непрекращающегося падения, я раскрыла глаза. Падение тут же прекратилось.

Глава 2

НЕКРОМАНТ

Будущее Ричарда Годдарда predeterminedил он сам в возрасте вполне сознательных шести лет, когда ото всей души пожелал, чтобы издохший пес ожил. К огромной его радости, желание это взяло и исполнилось. Однако родители, типичные каро-горожане, радости этой не разделили. Вид изрядно пованивающей — лето в том году выдалось на редкость жарким — красноглазой и явно не настроенной на дружеское общение твари привел их в ужас.

А ужас заставил действовать.

Вызванный дежурный маг вторично упокоил несчастного пса. А заодно посоветовал хорошую школу-интернат, куда Ричард и вынужден был отправиться.

Мама плакала.

Но она плакала по любому поводу, и к слезам этим Ричард, как и его братья с сестрами, давно уже притерпелся. Отец был молчалив и сосредоточен. Он самолично сложил скудные пожитки Ричарда в огромный чемодан, с которым дед его отправился завоевывать столицу, и, глянув на сына с высоты изрядного своего роста — соседи злословили, что в роду Торвальда Годдарда отметились ледяные великаны, сказал:

— Мальчик мой. Я верю, мы еще будем тобой гордиться...

А матушка вновь разрыдалась.

Отец помог донести чемодан до наемного экипажа и легко закинул в багажное отделение. Поднял Ричарда. Заглянул в глаза. И, посадив на лавку, вытащил скудный кошель.

— Веди себя хорошо. Не позорь семью.

В кошеле Ричард обнаружил целое состояние — пять серебряных империалов и горсть меди. И это стало лучшим признанием в родительской любви.

Дальше было просто.

Дорога много времени не заняла. Извозчик, зная о цели поездки, был молчалив и поглядывал на Ричарда с явной опаской — потом Ричард привыкнет к этому взгляду. Лошади шли ровно. Улицы были пусты. И собственная жизнь представлялась Ричарду простой и понятной.

Он станет некромантом.

Редкий дар для семьи потомственного каро... тем лучше. Он станет известным некромантом. И отец действительно будет им гордиться. А мама плакать, но на сей раз от счастья. Братья завидовать, особенно Годфрид. Небось больше ему не драть нос, потому что он старше Ричарда на два

года. Зато у него дар обыкновенный мастеровой и слишком слабый, чтобы имело смысл его развивать. Так папа сказал.

В школе Ричарда приняли.

Ему даже понравилось.

Разумом он обладал живым, и учеба давалась легко. Десять лет пролетели как один день. И на выпускном матушка, изрядно постаревшая и поседевшая, плакала от радости, как и мечталось. Отец был спокоен, но доволен — Ричард это чувствовал.

— Я перемолвился с дядей Бергусом.

Отец хлопнул Ричарда по плечу, и тот едва устоял. То ли выдохлась кровь легендарных великанов, то ли подавил ее темный магический дар, но в свои шестнадцать лет Ричард выглядел на четырнадцать. Невысокий — сестры и те переросли его, — худощавый, он видом своим вызывал у старшего Годдарда недоумение. Будь он не столь уверен в жене, глядишь, и засомневался бы.

— Возьмет тебя в управу. Помогать станешь.

С его точки зрения, будущее Ричарда было предопределено.

Работа.

Нетяжкая должность младшего помощника, благо помимо некромантии, коя представлялась искусством темным и, что куда хуже, на редкость бесполезным, Ричард мог кое-что и в стихийной магии. Карьера, вершиной которой при должном старании — а старание в своих детях Годдард воспитывал, не жалея ремня, — станет должность мага при третьей городской управе.

Женитьба.

Торвальд и невесту присмотрел, хорошую девушку из семьи с обширными связями, которые во